

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Секерин
Гендальев

Николай Секерин
Гендальев

«Автор»

2020

Секерин Н.

Гендальев / Н. Секерин — «Автор», 2020

Трудясь годами на поприще опостылевшей бюрократии, Виктор Гендальев никак не мог решиться изменить свою жизнь, смутно подозревая, что его стабильная зарплата - это всего лишь ошейник, который он добровольно позволил на себя надеть. Так бы оно, быть может, и продолжалось до старости, но однажды, чудом избежав смерти от рук террориста, Виктор попадает в больницу, где врач произносит страшное слово «рак»... И тогда, вмиг осознав, что времени у него больше нет, Гендальев в срочном порядке начинает жить...

© Секерин Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Как все нормальные люди	10
Глава первая. Следующие два года	12
Глава вторая. Понедельник	20
Глава третья. Вторник	27
Глава четвёртая. Совет да любовь	33
Глава пятая. Среда и четверг	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Секерин

Гендальев

Пролог

В комнате с рваными обоями, на пожранном молью диване спал молодой человек. Он лежал на животе и громко храпел, с уголка рта на подушку медленно стекала слюна.

Телосложением юноша напоминал кенгуру, в том смысле, что тонкое в плечах тело стремительно расширялось в направлении живота и зада. Прыщавое лицо и очки с толстыми стёклами, в которых он спал, выдавали в молодом человеке любителя компьютерных игр и порнофильмов.

Юноша этот был некрасив и неопрятен. Грязные и лохматые чёрные волосы, глубоко посаженные свиные глазки под воспалёнными веками и, напоминавший подгнивший баклажан, нос. Вся его внешность была как бы дополнением к общему убожеству комнаты.

Спал он в одежде и, кажется, во сне обоссался, ибо запах в этом невзрачном помещении распространялся ужасный. Диван, на котором лежал наш герой, стоял напротив старого письменного стола с пузатым компьютерным монитором, беспорядочно разбросанными тетрадями, учебниками, грязными кружками и остатками засохшей еды.

За окном щебетали птицы, занимался жаркий летний день. Заглушая верещание дроздов, грозно прокаркала ворона, и, вторя её резкому крику, из соседней комнаты слышался женский голос:

– Гендальев!

Юноша продолжал спать.

– Мразь ты паршивая, – снова сказал голос.

Помолчал мгновение и добавил:

– Убожество скотское...

Гендальев (а тело, спавшее на диване, было именно им) пошамкал жирным ртом, переложил голову на подушку противоположной щекой и продолжил храпеть.

Некоторое время спустя требовательный женский голос повторил уже громче:

– Ну ты, жирная тварь, просыпайся немедленно!

Действия это не возымело и через пару минут голос лениво, как бы для галочки, прокричал ещё раз:

– Свиныя неблагодарная, сопляк!

Гендальеву снился дивный сон. Он путешествовал где-то на тропических островах. В этом сне он не выглядел убогим задротом, здесь он был старше, красивее и сильнее. Они плыли на каком-то плоту по кристально чистой реке. Позади стоял здоровенный негр и правил длинным шестом, а сам Гендальев глубокомысленно смотрел на разворачивавшиеся перед ним пейзажи. К нему прижималась неземной красоты блондинка и нежно обнимала за талию.

Да, в этом сне у Гендальева была крепкая талия, а не обрюзглое пузо.

Он снисходительно повернул голову к спутнице и ответил на поцелуй...

Неожиданно плот перевернулся, и герой оказался в воде.

– А ну просыпайся, тюлень вонючий!

– Что... что... – непонимающе бормотал проснувшийся юноша.

– Я тебе сказала, встал и слушаешь меня!

Он с недоумением обвёл взглядом комнату. Перед ним стояла старшая сестра с пустым ковшом в руках, вокруг была привычная обстановка, а образ блондинки неземной красоты с тропического острова стекал с него вязкой жижей вместе с потом и ледяной водой, что вылила на него сестра.

Синхронизация с реальностью прошла успешно.

Парень возмутился:

– Ты что же делаешь, Оксана?!

Сестра замахнулась и отвесила ему звонкую оплеуху.

– Рот закрыл, штопанный гондон! Сел ровно!

Голова отчаянно болела и, опасаясь новых ударов, непутёвый братец подчинился.

– Ты обоссался во сне, ты видишь это? – сурово указала сестра на жёлтое пятно в паху.

Он стыдливо пробормотал что-то и попытался прикрыть штаны руками.

– Такого раньше не было, – продолжила Оксана. – Я думаю это от того, что вчера ты не просто нажрался, а ещё и добавил чем-то сверху. Травы? Таблетки? – она закончила криком. – Отвечай мне, тварь! ОТВЕЧАЙ, УРОД!

Последние слова она подкрепила новой пощёчиной.

– Оксана, сестра, послушай, – сбивчиво заговорил брат. – Ну, мне же диплом вручили, я закончил учёбу...

Она перебила его издевательским смехом:

– Учёбу закончил? Да тебя не отчислили лишь потому, что я все четыре года ходила и договаривалась, давала взятки и решала твои никчёмные проблемы! Думаешь, без меня бы ты вообще туда поступил? Отродье ты убогое, конченное создание, пустая трата спермы!

Такого он от неё раньше не слышал, видимо нахватались где-то новых словечек. Это его разозлило.

– Послушай, Оксана, – нахмурился брат. – Ты ведь мне не мать. И всё что ты для меня делала... я, конечно, благодарен, но деньги, имущество, это всё наше общее, я ведь понимаю, да. Наследство от родителей...

– Заткнись!

Она снова его ударила.

– Что ты знаешь вообще о наследстве и о родителях? Твой ублюдочный папаша, который угробил мать и подарил тебе твою сраную фамилию. Он был сумасшедшим! Он был ничтожеством!

Гендальев вскочил с дивана.

– Он был и твоим папой тоже, Оксана! – закричал он.

– Да плевать мне! Не желаю об этом говорить! Сумасшедший козёл, начитавшийся дурацких сказок и сменивший фамилию в честь волшебника. Он псих и не отец он мне! Я плевала на него, он маму убил! И не уводи меня от темы, не уводи, мразь! Я всю свою молодость отдала на твоё воспитание после их смерти, я пожертвовала личной жизнью, всем! Чтобы Витенька выучился, чтобы Витенька смог нормально жить, – она сделала гадливую интонацию. – Витенька был маленьким, у него папа с мамой погибли, он бедненький, он сирота.

– Перестань, Оксана! – вскричал Витя Гендальев.

– Нет, не перестану! Не перестану! Сегодня я решаю: амба! С меня довольно! Мне тридцать пять лет и из-за тебя, паскуда, у меня все шансы остаться старой, одинокой девой! Я ненавижу тебя, я ненавижу тебя, мразь! Ты моё проклятье, ты виноват, ты уничтожил мою жизнь! Надо было тебя в детский дом сдать пятнадцать лет назад, когда сумасшедший козёл папаша сдох, прихватив маму с собой!

Брат злобно уставился на неё и ответил:

– Но ты же не сдала меня в детский дом, чтобы проблем с наследством не возникло? Тебе ведь нужна была эта трёхкомнатная квартира, деньги и всё остальное? А всё ведь пополам, да, Ксюша? Пополам? Пополам?! А?! – он скорчил рожу. – Поровну, сука!

Резкий удар в живот оборвал его кривляния.

В руках Оксаны появилась, невесть откуда взявшаяся, полицейская дубинка. Она ударила его по лицу, потом по спине, по голове, по ногам. Он кричал от боли и корчился на полу, а она продолжала его жестоко избивать.

Наконец она устала и села на стул. Гендальев лежал на полу и приглушённо стонал.

– А теперь попробуем заново. Слушай меня внимательно и не смей перебивать, – сказала Оксана ледяным тоном.

Она уставилась на дубинку в своих руках, помолчала и добавила уже спокойно:

– Вот, одолжила вчера специально для тебя, Витя.

Брат продолжал постанывать, скорчившись у её ног.

– Насчёт наследства, – сказала сестра. – Да, в чём-то ты прав и если честно, будь у меня выбор, я бы сдала тебя в приют, а сама довольствовалась бы своей половиной, но всё было не так просто. Видишь ли, мне тебя было жаль, и я не могла пойти на такие муки совести. Этот поступок, к сожалению, был мне не под силу.

Она задумчиво оглядела загаженный интерьер комнаты и продолжила:

– Когда погибли родители, я была напугана, потрясена. Мне и двадцати лет не исполнилось, я была младше, чем ты сейчас. Тем не менее, я нашла в себе силы заботиться о тебе. Я всю свою молодость работала и кормила тебя, неблагодарную скотину. Я жертвовала всем, личной жизнью, карьерой, будущим и ради чего? Чтобы ты вот так жил? Я оплачивала твою учёбу, да, по большей части деньгами, оставленными родителями, но если бы они не умерли, мне бы и не потребовалось тобой заниматься, не так ли?

А сейчас ты получаешь диплом, напиваешься и ещё непонятно чем травишься, говоря, что ты это заслужил? Ты ничего не заслужил, Витя, ты ничтожество. Бесплезное, тупое ничтожество. Жалкий слизняк, беспомощный мальчик-задрот. Дальше так продолжаться не может, и сегодня я ставлю точку.

Гендальев наконец перестал стонать и уставившись на сестру, промямлил:

– Какую ещё точку?

– А такую, я собиралась устроить тебя на первую работу, но ты на неё не пойдёшь. Ты поедешь в армию, Виктор.

Он уставился на неё широко раскрытыми глазами и залепетал:

– Да ты что, Оксана, какая армия? У меня же и зрение плохое, и время я потеряю, надо опыта набираться по специальности.

Сестра замахнулась дубинкой, Витя отпрянул.

– Набираться опыта? Зрение плохое? – вскричала она. – Да ты, собака, меня только опозоришь, и тебя уволят! Работа это тебе не шарага с продажными преподами! Да и с чего ты взял, что у тебя есть выбор?! Служить в армии – это твоя обязанность! Установленная законом, обязанность, а твоё зрение тому не помеха, поедешь в допустимые войска! Сволочь ты жалкая! Тюлень!

Она сдержанно выдохнула и продолжила спокойней:

– Ты молчи и слушай меня, я тебе уже сказала, что решение принято, ты вообще здесь никто, блевота сортирная. Опека заканчивается сегодня, и твоя задача: запомнить последние инструкции!

Витя больше не стал ничего говорить, он лишь приподнялся и сел на полу, прислонившись спиной к холодной батарее.

Ничего, думал он, это пройдёт, сейчас извинюсь, сделаю покорное лицо, а завтра она скажет, что прощает в последний раз.

– Не стоит тешить себя надеждой, что я просто психую, – будто прочитав его мысли, сказала сестра. – Я долго вынашивала это решение, глядя на твоё безобразное поведение и то, что я говорю сейчас, это результат долгого и тщательного обдумывания.

Ты даже не представляешь, насколько я обеспокоена. Как бы я тебя не обзывала и не унижала на словах, я всегда чувствовала за тебя ответственность. С того момента как погибли родители, я не раз проклинала тот час, когда сумасшедший папаша, напившись, сел за руль. Но я никогда, я никогда всерьёз не думала о том, чтобы отдать тебя в приют. То, что я не смогла дать тебе нормального воспитания – не моя вина, ведь ты мне не сын. К тому же, даже будь я матерью, тебе нужно было мужское воспитание, а не бабье. Ты только посмотри на себя, ты же вылитая, бесхребетная баба!

Это его ничуть не оскорбило. Говори что хочешь, думал Гендальев, я знаю, что у тебя просто истерика, плевал я на твоё мнение.

Оксана продолжала:

– Да, конечно, в том, что я одинокая и практически уже старая дева нет твоей вины, это моя проблема, которую я так и не смогла решить, но даже если бы я и привела в наш дом мужа для себя, тебе отцом он вряд ли бы стал.

Она говорила уже словно сама с собой. Всё это начинало надоедать Гендальеву, шок от побоев резиновой дубинкой прошёл, и братец снова подал голос:

– Слушай, Оксана, ну извини, ну что я могу ещё сделать?

– Заткнись, – сказала она устало. – Заткнись, не то снова получишь.

Она сунула ему под нос дубинку.

– Я понимаю, с тобой разговаривать бесполезно. Ты бесполезный сам по себе. Я слишком сильно тебя баловала. В общем, в сентябре ты едешь в армию. Ещё раз повторяю: я не шучу. И чем раньше ты это осознаешь, тем лучше для тебя.

Он вымучено улыбнулся и покосился на настенные часы.

– Можно мне хоть пойти умыться?! Я понял, в армию, ладно, всё ясно.

– На место сел!

На этот раз она не ограничилась угрозой и больно ударила дубинкой по жирной ляжке.

Витя взвыл и принялся растирать ногу.

– Да что с тобой! Ты что, взбесилась что ли?!

– Ещё? – она снова замахнулась.

Непутёвый братец умолк.

Сестра продолжила инструктаж:

– Перед армией мы пойдём к нотариусу и сделаем доверенность. Пока ты будешь служить, я продам эту трёшку и куплю две однокомнатные квартиры, тебе и себе. После твоей демобилизации мы больше вместе жить не будем, и дальше ты будешь уже сам по себе.

Я сделала для тебя всё что могла, Виктор, а это, поверь, гораздо больше, чем делают иной раз даже матери для своих детей. В армии ты либо научишься быть мужчиной, либо нет, я не знаю. К сожалению, всё зависит только от тебя и стопроцентного лекарства от никчёмности не существует. Это как бросить в воду щенка: либо выплывет, либо нет. Хотя не знаю, допустимо ли это сравнение по отношению к такому убогому созданию как ты. Взгляни на себя! Двадцать один год, живёшь в свинарнике, старшая сестра тебя кормит, решает твои проблемы, а ты только шляешься с другими маменькиными сынками, играешь в компьютер и прочишь!

Гендальеву стало неприятно.

Он встал и с раздражением сказал:

– Оксана, хватит! В армию, так в армию, достаточно!

– Ах «достаточно»!?! – заорала она в ярости. – «Оксана хватит»?! Ты что-то не понимаешь, сучёныш, тебе добавить? Ты будешь ещё на меня голос повышать, псина?

Он поднял руки в примирительном жесте и внезапно осознал: всё, что она сейчас говорит – правда. На миг ему даже стало интересно, проснулся детский азарт и жажда приключений. В конце концов множество парней его возраста идут в армию. Что здесь такого?

– Оксана, прости, – сказал он тихо. – Прости меня, Оксана, я всё понял. Хорошо, я сделаю всё, как ты хочешь. Честно, я понял. Прости меня, Оксана, прости.

Сами собой потекли слёзы из глаз, он почувствовал как дорога ему эта невысокая, суровая, но ещё молодая женщина.

Плача, он подошёл и обнял сестру.

– Прости, Оксана, прости...

Она оттаяла и обняла его тоже.

– Ладно, Витя... Год пролетит незаметно, ты вернёшься и начнёшь новую жизнь. Меня не будет рядом, но я всё равно буду здесь, в нашем городе. Пройдёт время, и ты будешь рад, что всё так обернулось. Через пару лет ты станешь достойным мужчиной и заживёшь нормальной жизнью. Как все нормальные люди. Ну, всё. Всё, успокойся. Иди, умойся, и будем завтракать.

Часть первая. Как все нормальные люди

Год в армии и впрямь пролетел незаметно. Тяжело было лишь вначале, потом всё пошло как по маслу. Ему даже понравилось.

Он сделал всё, что требовала сестра. Оформил доверенность у нотариуса, пошлялся ещё месяц до конца лета и явился в сентябре в военкомат.

Времена жуткой дедовщины в армии прошли, поэтому всё, что испытал тяжёлого на себе Гендальев, ограничилось злыми насмешками над его телосложением и фамилией. Множество раз за первый месяц службы ему пришлось рассказать одну и ту же историю о том, как его покойный отец сменил фамилию в честь волшебника из «Властелина колец».

Самым трудным, пожалуй, был подъём в шесть утра, ведь в армии нельзя было опоздать, или прогулять, здесь вообще было нельзя ничего, что прямо не разрешили, и это угнетало. Виктор Гендальев привык во всём полагаться на старшую сестру и знал: что бы ни случилось, он всегда может рассчитывать на поддержку. Но здесь поддержки не было и, как правильно сказала сестра, он оказался в положении щенка, брошенного в воду: либо выплывет, либо утонет. В его случае «утонуть», значило превратиться в полное ничтожество и, вернувшись через год домой, постепенно опускаться дальше.

Кто знает, может он и утонул бы, если бы не новый друг, с которым он познакомился в армии.

Муса Джалиев был парнем с крепким кавказским воспитанием. Его твёрдый характер сразу подчинил себе большинство их общих с Витей сослуживцев. Трудно понять с позиции логики, что заставило Мусу взять под свою опеку этого неказистого, толстого и жалкого сопляка. Возможно, всё дело в том, что они были яркими противоположностями. Если Гендальева все вокруг презирали и старались унижить, то Джалиева наоборот боялись и уважали.

Витя не пытался перед Мусой заискивать и не набивался в друзья, как большинство других. И дело тут не в том, что Гендальев был горд, скорее наоборот – слишком неуверен. Он попросту считал себя недостойным.

Джалиев был по-своему необыкновенен. Горделивая осанка, стальные мускулы и звание мастера спорта по боксу делали его фигуру в глазах остальных солдат значительней любого младшего офицера. Но все они были неискренними, а их симпатия была настолько пропитана страхом, что ни у одного нормального человека подобная гипотетическая дружба просто не могла не вызывать отвращения. Разве что обеспечить себя пристяжью, командой угодливых шестёрок, готовых стирать носки и прочее.

Джалиеву это было не нужно.

Вместо этого, он зачем-то взялся опекать Гендальева.

Он часто говорил ему:

«ты должен быть сильным, друг мой»;

«мужчина всегда должен быть готов постоять за себя»;

«мужчина никогда не болтает просто так»;

и тому подобное.

Через полгода, благодаря Мусе, Виктор Гендальев сбросил десять килограммов лишнего веса. Через десять месяцев Витя подтягивался на перекладине тридцать раз подряд и отжимался на брусьях пятьдесят, а к моменту демобилизации научился даже боксировать.

Муса помог щенку не утонуть, и из армии Виктор вернулся другим человеком.

О том, что могло бы быть с ним, если бы ему не посчастливилось повстречать такого друга и наставника теперь уже думать ни к чему. В конце концов, большинство щенков не выплывают, а тонут. И возможно, в некотором роде, да, Виктору Гендальеву просто повезло.

Вернувшись из армии, он въехал в свою новую однокомнатную квартиру, скромно обставленную, оставшейся от прошлых хозяев, мебелью, а Оксана переехала в практически такую же, свою, на другом конце города.

Как она и обещала, всё, сказанное в то летнее утро, было серьёзно, и теперь Гендальев стал сам по себе. Сестра помогла ему устроиться на работу и окончательно прекратила опеку.

Глава первая. Следующие два года

Виктор Гендальев работал в организации под названием «И рыба и мясо». После демобилизации сестра договорилась через каких-то знакомых, и он устроился.

После смерти родителей Оксана Гаврилова предпочла вернуть фамилию деда, кою так легкомысленно, по её мнению, изменил в молодости отец. Воспитывая младшего брата, Оксана направила его после школы по своему жизненному пути. Будучи неплохим юристом, она тем не менее не смогла как следует сделать карьеру, поскольку её повседневная жизнь, в свободное от работы время, всегда была занята непутёвым братцем.

Но вот, с грехом пополам он выучился в простеньком ВУЗе (тоже на юриста), и она решила, что с неё довольно. Из уважения к памяти родителей, она сделала для него всё, что могла, и теперь, как говорится, "с глаз долой, из сердца вон". Братец отправился в армию, а она без особого труда разменяла трёхкомнатную квартиру на две однокомнатные.

Пока Гендальева учили в армии быть мужчиной, Оксана Гаврилова преспокойно наладила свою профессиональную и личную жизнь. Теперь она работала в крупной энергетической компании корпоративным юристом и встречалась с майором полиции. Не оставалось уже никаких сомнений в том, что раньше ей мешал именно, постоянно маячивший в голове, проблемный братец, которого она теперь удалила, словно паразитирующий сорняк с благотворной почвы.

Что и говорить, эта её привязанность вредила им обоим, поскольку жизнь Виктора изменилась в лучшую сторону точно так же, как только они разъединились.

Воспользовавшись своим возросшим авторитетом в профессиональной среде, Оксана без труда нашла для брата место на провинциальном мясокомбинате с выразительным названием «И рыба и мясо». Теперь братец начнёт свою личную карьеру с нуля, а дальше всё будет сугубо в его руках.

Когда он явился в административное здание мясокомбината, где располагались офисы канцелярских работников, его ждал для проведения собеседования начальник юридического отдела, Семён Вадимович Полуоткатов. Мужчина средних лет с насмешливой улыбкой, лысеющей головой и худым телосложением.

Несмотря на противоречивую внешность, Семён Вадимович Полуоткатов оказался человеком житейским, даже немного приятным. Хотя, быть может, то была всего лишь профессиональная привычка к лицемерию и фальшивому дружелюбию.

– Из армии значит? – весело спросил он на собеседовании. – Молодец!

Семён Полуоткатов был каким-то таинственным. На работе он зачем-то распустил слух о том, что где-то там, в другом городе, у него осталась жена с ребёнком, которым он добровольно помогает алиментами, но при этом в его паспорте почему-то отсутствовала запись о детях.

– Это потому, что официально ребёнок не имеет отца, – заявил Полуоткатов, когда кто-то осмелился упомянуть об этом.

Он его, мол, не признал в своё время, а мать не настаивает, поскольку он, Полуоткатов, по доброте душевной регулярно помогает им деньгами.

Много нелогичного и неясного было в его рассказах о своей биографии, однако с обязанностями начальника отдела он справлялся на "отлично", а это для конторы было главным.

– Ты будешь занимать должность юрисконсульта, – сказал он Гендальеву. – Между мной и тобой в отделе есть ещё одно промежуточное звено, старший юрисконсульт. Мелкие вопросы ты можешь уточнять у неё. Милана, найди, – сказал он в трубку стационарного телефона.

В кабинет вошла толстая тётка неопределённой национальности и, жуя с наглым выражением лица жвачку, спросила:

– Да?

– Это наш новый сотрудник, Милана, познакомься. Виктор Гендальев, юрисконсульт. Недавно из армии, год назад окончил ПШИК.

– Я тоже оканчивала ПШИК, – отозвалась Милана дружелюбно.

– Хорошо, покажи Виктору его рабочее место, объясни что делать и всё остальное, а мне пора в суд...

Примерно так и прошло собеседование. Семён Вадимович ничего не спрашивал у Виктора, даже не взглянул на его диплом. По всему было видно, что его мало интересовали детали. Вполне достаточно было того, что какой-то знакомый Оксаны позвонил и попросил принять этого юношу на работу.

Начальник вообще был человеком лояльным, он никогда не докапывался до мелочей, снисходительно относился к опозданиям, да и сам периодически подолгу отсутствовал.

Бывало, Полуоткатов позвонит утром в офис и скажет Милане:

– Слушай, мы тут погуляли вчера немного, ты там скажи, если кто спросит, что я в суд поехал...

И приезжал после этого на два часа позже.

Так и работали.

Несмотря на отталкивающую внешность и грубые манеры, Милана оказалась неплохим человеком. Толстая женщина, по возрасту ещё не достигшая и тридцати, она выглядела лет на десять старше, но по своему характеру была отзывчивой и доброй девушкой.

В течение первых трёх месяцев работы Виктор, что называется, «носил боссу кофе». Милана стала его наставницей, и они даже немного подружились. Разумеется, ни о каких интимных отношениях тут речи не было, поскольку Гендальеву, как и всем остальным, в физическом смысле Милана не нравилась, а ей, как выяснилось позже, не нравились мужчины вообще.

Структура организации «И рыба и мясо» была типичной для любого подобного предприятия. Небольшой мясоперерабатывающий заводик, бывший в стародавние времена государственным, перешёл после известных политических событий в частные руки. И теперь производство пользовали уже третьи, или четвёртые по счёту коммерсы. Впрочем, сейчас это были нормальные коммерсы, так как за последние пять лет производство колбасы и рыбных консервов на комбинате стабильно увеличивалось, прибыль росла, а зарплаты трудящимся выплачивали регулярно и в полном объёме.

Иерархия здесь была тоже типичная. Семьдесят процентов персонала – производственные рабочие, занятые в скотобойнях и цехах, и тридцать процентов – офисный персонал. Разнообразные бухгалтера, юристы, экономисты и прочие служители бюрократии.

За полгода Гендальев надёжно влился в коллектив и сделался его неотъемлемой частью, а вскоре у него здесь даже закрутился его первый серьёзный роман.

Как и в любом другом акционерном обществе, в «И рыбе и мясе» главными были люди, владеющие акциями. Они редко появлялись в стенах административного здания и большинство работников их вообще никогда не видели. Чаще всего, если хозяевам было что-то нужно, они просто вызывали директора предприятия к себе.

В сущности, формальный директор был простым наёмным сотрудником и по большому счёту никаких стратегических вопросов не решал, оставаясь всегда исполнителем чужих распоряжений.

Конечно, в его задачи входили координация и контроль всего рабочего процесса, однако фактически он имел гораздо меньше прав, чем даже любой его подчинённый, ибо при желании его можно было уволить одним днём, согласно решению совета акционеров, в отличие от защищённых трудовым кодексом, простых работников. Но зато обязанностей и гипотетической ответственности (в том числе и уголовной) у директора мясокомбината было хоть отбавляй, и этот факт отнюдь не прибавлял ему жизнерадостности и позитивного настроения.

Его звали Сергей Иванович Сочный.

Подчинённые никогда не позволяли себе вольностей в присутствии Сочного, поскольку он не был склонен к товариществу с теми, кто ниже его, а кроме того с большим размахом пользовался своим правом лишения премий по любому надуманному поводу (к примеру, если вдруг какой-то подлец поздоровался с ним недостаточно подобострастно, или же, не приведи бог, не поздоровался вовсе).

Лысая аки ягодица младенца голова, глуповатое лицо и напускная серьёзность Сергея Ивановича нередко забавляли некоторых работников офиса уже одним своим видом. И если бы не страх перед вечным "отсутствием работы" в вольной жизни, они бы, наверное, с радостью поглумились над этим хорохорившимся индюком, ведь директор всегда старался показаться окружающим лучше, чем он был на самом деле.

Этот сорокалетний, лишённый воли мужчина, находившийся в полном подчинении у собственной жены, родители которой обеспечивали его карьеру. Возможно, в глубине души Сергей Иванович сильно страдал, поэтому и не упускал никогда случая продемонстрировать свою "силу и волю" на работе. Ибо, будучи ничтожеством дома и в глазах акционеров компании, он в то же время всячески компенсировал своё постоянно подавляемое желание доминировать на своих работниках.

Впрочем, Гендальеву Сочный никак не вредил.

В отличие от других, Виктор не находил в Сергее Ивановиче ничего забавного и всегда игнорировал подначивания коллег, желающих обсудить и в очередной раз как-нибудь высмеять директора. Виктор больше не хотел подводить Оксану и перспектива вылететь с первого места работы за склочничество ему совсем не улыбалась. К тому же, напрямую с директором чаще всего контактировала Милана, или Полуоткатов, а его же лишь периодически отправляли в приёмную, где нужно было просто оставить "на подпись" разные документы. И здесь Гендальев всегда был вынужден терпеть сальные заигрывания со стороны немолодой и вульгарной секретарши.

Эти недвусмысленные подмигивания и эротические телодвижения со стороны зрелой, потасканной жизнью, женщины, не вызвали у Виктора ничего, кроме отвращения.

– Ух ты какой милашка у нас теперь работает! – сказала она, когда он впервые вошёл в приёмную.

Морщинисто-дряблая кожа, жирно намазанные красной помадой губы и желеобразное тело под излишне коротким, для её фигуры и возраста, платьем. Складывая ногу на ногу и выставляя на всеобщее обозрение целлюлит, секретарша видимо даже и мысли не допускала, что это может кому-то не нравиться. Словом, то ли неадекватное восприятие реальности, то ли просто проблемы с головой.

В конце концов, она оставила свои попытки соблазнить молодого, черноволосого очкарика и принялась пускать слухи по офису, что, дескать, Гендальев, на самом деле, гомосексуалист.

Виктор, к счастью, об этом никогда не узнал, а через полгода директор вдруг решил сменить секретаршу, и место сумасшедшей пожилой развратницы заняла Соня Щёкина.

С этого момента Гендальев стал использовать любой предлог для того, чтобы как можно чаще носить документы "на подпись". Например, когда надо было подписать, четыре документа, он нёс сначала два, а два других относил позже, заявляя Милане, что "забыл".

К несчастью, абсолютная неопытность Виктора в вопросах служебной "любви" очень долго мешала ему увидеть всё то, что увидели здесь почти сразу все, кроме него...

Софию Щёчкину приняли на работу тут же после окончания колледжа.

В офисах шептались, что "по знакомству".

– А как же ещё, – презрительно комментировала эти сплетни Милана. – Можно подумать, здесь хотя бы один человек есть, пришедшей не "по знакомству". Тебя "по знакомству" приняли, Витя, признавайся?

– Да в общем-то, да, – отвечал Гендальев.

– Вот и я говорю. Полуоткатов, так вообще, какой-то не то племянник, не то друг семьи одного из главных акционеров. Им бы тут всем лишь бы лясы точить. Крысы вонючие!

Милана вообще не отличалась деликатностью, когда дело касалось её коллег, могла в лицо кому-нибудь из бухгалтеров выкрикнуть оскорбление, могла и с начальниками отделов поругаться. Только с директором она не позволяла себе агрессии. Неизвестно почему, но она питала к нему личную симпатию, ибо, видит бог, она никогда бы не смолчала из-за страха иерархических последствий...

Короче, Соня Щёчкина устроилась на работу "по знакомству" так же, как и все остальные, однако, что это было за "знакомство", для большинства оставалось загадкой.

Стройная, длинноногая красавица с белыми, прямыми волосами. Всегда накрашенная, всегда в платьях и юбках. София знала толк в моде, здоровом питании и личной гигиене.

Гендальев влюбился в первый же день.

– Ээ. Здравствуйте, вы новая секретарь? – спросил он тогда.

– Да, привет, ко мне можно на «ты», – весело сказала Соня.

– А, хорошо, привет. Я Виктор Гендальев, юрист. Вот тут документы, это, на подпись...

– Хорошо, – промурлыкала София. – Знаешь, я здесь первый день, ты мне подскажешь, что да как? Директора пока нет, и если ты не занят, то...

– Конечно! – обрадовался Витя.

– Какая интересная у тебя фамилия, – сказала, улыбаясь, Соня.

Он обрадовался ещё сильнее и с воодушевлением повторил в сто миллионный раз историю о том, как его покойный отец решил отдать дань памяти бессмертному персонажу фэнтези.

Потом он рассказывал ей истории и таскал коробки, передвигал вазы с комнатными растениями и каждый день приносил шоколадки.

Так началась его первая "любовь".

Виктор Гендальев угодил в старую как мир ловушку, в которую попадали миллионы мужчин до него, и попадут ещё столько же после. Он влюбился в милую внешность и имел глупость поверить, что такое ангельское создание просто не может быть нечестным и грязным.

Пару месяцев его пользовали как инструмент для подсобной работы и источник бесплатной добычи всяких вкусоностей. Потом Соня любезно разрешила ему водить себя в кино, кафе и в прочие публичные места. Через полгода Виктору посчастливилось даже вкусить главного, чего зачастую и вовсе не обламывается во множестве других подобных историях "любви".

По наивной простоте своей, он искренне полагал, что они пара. Ежедневные звонки и любовные сообщения в одну сторону нисколько Гендальева не смущали, ведь такая богиня как София Щёчкина создана именно для того, чтобы перед ней преклонялись такие ничтожества

как он, Виктор Гендальев. И его счастье, что именно ему, а не кому-то другому прекрасная секретарша позволяет облизывать свои восхитительные пятки.

В будущем, когда Гендальев станет старше и огрубеет, он будет вспоминать всю эту мелодраму с великим омерзением, но пока что он летал "на крыльях любви" по коридорам здания «И рыба и мясо» и с придыханием звонил ей каждый вечер, в заранее оговоренное время.

Соня не любила, когда её беспокоили внезапно:

– Знаешь, Витя, у меня постоянно много дел и после работы я не всегда могу позволить себе разговаривать. Если хочешь сделать мне приятно, можешь просто помочь иногда деньгами, ты же знаешь, как мало получают секретари и как дорого в наше время стоит красивая внешность.

И он помогал ей деньгами. О, конечно, он помогал! По меньшей мере, половина его зарплаты уходила на эту периодическую «помощь».

Ладно, что уж теперь, думал Гендальев, это всего лишь деньги.

Как-то раз, он случайно узнал о стоимости услуг в салоне красоты, в который ходила Соня и ужаснулся. Цены были гораздо выше, чем он мог себе представить. Не нужно было быть математиком, чтобы понять: она, ну никак не могла себе этого позволить.

И когда он робко поднял этот вопрос, она ответила следующее:

– А что же ты думаешь? Я вся в кредитах! Или, по-твоему, я должна выглядеть как бабка, или лохудра? – Соня надула губки и рассержено продолжила. – Если тебя что-то не устраивает, Гендальев, я тебя вообще не держу! Таких как ты вон, полная улица.

– Что ты, что ты, солнышко! – испуганно лепетал он. – Да нет же, я... если тебе это не нравится, я обещаю больше не спрашивать! Обещаю!

– Ко мне завтра должна приехать мама, и если хочешь извиниться, можешь купить продуктов для нашего стола. Или лучше просто дать денег.

– О, конечно, Сонечка, конечно, – говорил он и давал деньги.

– И это всё? И что мне на это купить? Гречку с молоком? – недовольно ворчала Соня Щёкина.

Если бы кто-то спросил тогда Виктора, что именно он ценит в Соне, он бы, скорее всего, затруднился ответить. Он сказал бы нечто вроде: я просто люблю её. Или что-нибудь ещё в том же духе. Но на самом деле любви там никакой не было, было лишь необузданное сексуальное влечение. А насколько сильно способен опуститься мужчина из-за своей неудовлетворённой животной потребности, известно одному богу. И, что тут скажешь, случай Гендальева был далеко не самым тяжким.

Он часто звонил ей по вечерам и слышал длинные гудки, а иногда и вовсе голос автоответчика. Что делала София Щёкина в такие моменты, он не знал, но всегда отчаянно беспокоился и ревновал. Позже она перезванивала ему и начинала диалог с контракти: мол, зачем он ей названивал, она же говорила ему, что поедет к маме/папе/бабушке. Что у неё дел по горло и что директор завалил её работой.

Заканчивался подобный разговор всегда одним и тем же: Гендальев извинялся за свою назойливость и оправдывался тем, что очень её любит.

Как то раз он задержался на работе по просьбе Миланы. Её нагрузил бумагами Полуоткатов, и ей требовалась помощь. Виктор никогда не отказывал своей старшей сотруднице, тем более близилась его первые самостоятельные походы в суды, и он рассчитывал, что начнёт он их под надзором Миланы – уж очень ему представлялись страшными эти самые суды.

В тот день Милана дала ему документы и велела сходить подписать.

– Но директора ведь уже нет? – удивился Гендальев.

– Нет, он на месте, иди скорей.

Войдя в приёмную, Гендальев не увидел Сони и удивился ещё больше, ведь секретарь никогда не уходит раньше директора. Он робко постучал в дверь главного и услышал приглушённый и почему-то запыхавшийся голос Сергея Ивановича Сочного:

– Подождите!

Виктор послушно уселся на стул и стал ждать.

Через несколько минут дверь открылась, и из кабинета директора выскочила Соня. Причёска у неё была слегка растрёпана, две верхние пуговицы на блузке расстёгнуты. Раскрасневшаяся, она воскликнула:

– Ах, это ты!

Тело сковал лёд, он ощутил слабость в ногах и бессильную ярость.

– Ты что там делала, сука? – услышал он свой голос.

Но объяснение не состоялось.

Сочный позвал из кабинета:

– Проходите, кто стучал!

Молча войдя к боссу, Гендальев хмуро положил документы на стол. Тот подписал их, не читая, и отдал обратно, а когда Виктор вышел, Сони уже в приёмной не было.

В тот день он так и не смог до неё дозвониться. Набрав номер мобильного, по меньшей мере, раз тридцать, он написал кучу сообщений с обвинениями в измене, изобличением её лживой натуры и прочего. А потом горько плакал и отправлял новые смски с извинениями и просьбами поговорить. Но Соня молчала и ответила лишь на следующий день:

– Я не знаю, стоишь ли ты того, чтобы тебе вообще что-то объяснять! – сказала она. – Ты мне написал таких гадостей, что неплохо было бы тебя хорошенько вздуть за это! Будь уверен, у меня есть кому постоять за меня!

Он бормотал что-то вроде: она была у директора, и он подумал, что...

– Что? Что ты там подумал, идиотина? – саркастически вопрошала Соня. – Вообще-то я по профессии должна владеть навыками экстренной медицинской помощи. И в тот момент, когда ты припёрся, директору было плохо! Я вынуждена была прибегнуть к массажу сердца! Это когда кулаком по груди бьют, дебил! У Сергея Ивановича проблемы со здоровьем и я ему помогала! Да что с тобой, идиотом, разговаривать, когда ты сделал свои мерзкие выводы! Ты сам просто извращенец и меня ещё оскорбляешь!

Тут она всхлипнула, и Гендальев, упав перед ней на колени, принялся извиняться и целовать руки.

– Соня, прости меня, милая. Ты говорила, что хочешь новое платье! Можно я куплю его тебе в качестве извинений?

Платье оказалось ему не по карману и пришлось брать кредит в микрозайме, но разве всё это могло стоить любви такой женщины, как София Щёчкина?

В общем, любовное направление развивалось у Виктора в таком вот виде. Обожествление женской сексуальности, придание ценности тому, что вовсе ничего не стоит и, конечно же, страх одиночества – стандартный набор "тараканов" среднестатистического подкаблучника, выращенного в условиях домашнего матриархата. Его друг и наставник из армии, Муса Джалиев, к сожалению, восполнил далеко не все пробелы мужского воспитания.

Словом, первая корявая "любовь" Виктора Гендальева была такой, какой была. И ничего с этим не поделаешь, "сердцу ведь не прикажешь".

Не прикажешь и тестостерону.

Пока отношения с Соней Щёчкиной стремились к своему уродскому апогею, не стояло на месте и развитие Гендальева в профессиональной сфере. Освоив в совершенстве навыки

«отнеси на подпись», «распечатай», «завари кофе», Виктор углубился в изучение юриспруденции дальше. Милана периодически брала его с собой на заседания в суды.

Перечень юридических дел «И рыба и мясо» в основном ограничивался взысканием задолженностей. Реже попадались иски от потребителей, но такие дела были здесь на особом контроле, и по ним всегда судился сам Полуоткатов.

Основной поток же, представляли стандартные формы исковых заявлений, в которых требовалось лишь менять данные. Так Гендальев познакомился со спецификой своей профессии.

Первое время он до дрожи в коленках боялся судей и судов. Гендальев полагал, что *там* всё всегда строго, официально и как показывают по телевизору. Что за столом обязательно сидит грозный дядя, или тётя в мантии и держит в руке деревянный молоток. Он думал, что войдя в эту святая святых правосудия, он будет вынужден держать высокую речь и, не привести господь ему, в такой ситуации, ляпнуть что-то не то, запнуться, или каким-либо иным образом обосраться...

И каково же было его облегчение, когда он впервые очутился на суде в качестве стажёра Миланы!

Их встретила в коридоре полная женщина, которую отличали от сидящих на лавочках сплетниц лишь подчёркнуто культурная манера говорить и более ухоженный вид.

– А, Милана, здравствуйте, что у нас сегодня? ООО «Зашиваем»? Все документы в порядке? Хорошо, тогда оставляйте, когда будет готово решение, секретарь позвонит.

Они даже не зашли в зал судебных заседаний.

– И что, так всегда? – воскликнул Гендальев.

Милана усмехнулась и ответила:

– И не надейся, позже сам всё узнаешь. Но в любом случае, ничего подобного тому, что ты там себе навоображал, здесь нет.

Да, позже он сам всё узнал. Судьи были разными. Были разными и участники заседаний. Иногда в суде начинался настоящий базар и разговоры на повышенных тонах. Иногда судьи даже надевали мантии. Много всего он в последующие годы здесь рассмотрел. Здесь было почти всё.

Не было лишь деревянных молотков и честности.

Самостоятельная жизнь тоже внесла некоторые коррективы в существование Виктора. Теперь сестра ограничивала их общение тем, что раз в неделю звонила, а в гости они друг к другу почти что не ходили.

Из еды Виктор особо ничего не готовил. Обедать в будние дни он всегда ходил в столовую на работе, ну а дома чаще всего питался как попало. Магазиновый людской корм, разогретый в микроволновке и простые блюда типа яичницы с колбасой – вот и всё его меню. Этого было достаточно молодому организму, не столкнувшемуся ещё с трудностями пищеварения.

Комната на десять квадратных метров всегда была завалена несвежей одеждой. По углам валялись носки, а напротив вечно разложенного дивана, почти круглосуточно мерцал экран монитора.

Даже когда он начал приводить сюда Соню, что бывало довольно редко, особых преобразований мимолётное присутствие женщины в квартире не создавало. Нет, он, конечно, делал периодическую уборку, особенно, когда приводил её, но поскольку Щёчкина связывать свою жизнь с этим неудачником явно не планировала, она, разумеется, даже не рассматривала пер-

спективу наводить порядок в его убогой квартире. Впрочем, очень может быть, что там, где жила она сама, было немногим лучше.

Словом, жизненный путь Гендальева прокладывался вполне предсказуемо. Далее всё должно будет развиваться так же, как и у многих других *нормальных людей*. Рано или поздно появится семья и дети, убогий быт потихоньку разрастётся, и Виктор станет терпеливо дожидаться пенсии...

Хотя, кто его знает? Жизнь – сложная штука.

Никогда нельзя знать наверняка.

Глава вторая. Понедельник

Звон будильника вырвал его из объятий сна. Гендальев недовольно нажал пару кнопок и, отсрочив подъём на десять минут, снова забылся. Удивительно, но этот краткий промежуток времени дополнительного сна казался бесконечным. Однако после вторичного сигнала, подъём не сделался более лёгким, скорее наоборот. Он переставил будильник вновь.

С третьим звоном времени на то чтобы добраться до работы оставалось минимум, и больше откладывать было нельзя. Виктор тяжело поднялся с постели и надел очки. Накрыв кое-как своё ложе пледом, он потащился в маленькую кухню. Поставил чайник, сходил в туалет и как попало почистил зубы. Вода закипела. Он бросил в кружку две чайные ложки растворимого кофе, три ложки сахара и залил кипятком. Открыв старый, оставшийся от прежних хозяев, холодильник, он долго вглядывался в пустые полки, будто рассчитывая, что там появится что-то само. Наконец он вспомнил о половине плитки молочного шоколада, валявшейся среди грязной посуды на столе.

Без особого аппетита Гендальев съел шоколад и, прихлёбывая кофе, вернулся в комнату. Чтобы успеть на работу, или хотя бы не опоздать больше чем на четверть часа – ему необходимо было выйти из дома максимум через пять минут. Обжигая язык, он сделал большой глоток и поставил кружку на стол возле компьютера.

Его повседневная одежда многослойно висела на спинке стула. Виктор надел несвежую клетчатую рубашку, натянул вчерашние носки и мятые шерстяные брюки. Заканчивался октябрь, и на улице уже похолодало, чего не скажешь об офисе, где всегда была духота и жар как в парной.

Почти залпом допив горячий кофейный напиток, Гендальев вышел в прихожую. Кряхтя, он влез ногами в чёрные ботинки, натянул куртку с капюшоном и вышел из квартиры.

Жилище Виктора располагалось на втором этаже панельной пятиэтажки, а дом, в свою очередь, завершал, стоящую в ряд по улице, вереницу своих близнецов и практически упирался торцом в остановку троллейбуса.

Выйдя на улицу, Гендальев сразу увидел отъезжающий троллейбус с номером "6". Это был его маршрут, и если он сейчас успеет – значит, почти совсем не опоздает. Очертя голову, он ринулся на остановку, на ходу делая знаки руками. Водитель притормозил и открыл заднюю дверь, Виктор вскочил на подножку и крикнул «спасибо».

К нему тут же подошла толстая кондукторша.

– Проезд оплачиваем, – сказала она неприязненно.

– Да, да, сейчас.

Он достал из кармана проездной:

– Вот.

– А сразу сказать нельзя было?! – проворчала кондукторша.

Виктор не стал ей ничего отвечать и молча сел на двойное сиденье. Убедившись, что последнее слово осталось за ней, толстая кондукторша заковыляла к своему месту в середине салона.

Гендальев прислонился головой к окну и закрыл глаза. Впереди было восемь остановок и недурно было бы ещё немного поспать. Впрочем, постоянная тряска по раздолбанной дороге не предоставила ему такой возможности, он то и дело ударялся головой о стекло, от чего дополнительный сон превращался в настоящую пытку.

Виктор сел ровно, достал из кармана телефон и написал сообщение Соне: «доброе утро, солнышко». В последнее время она всё реже ему отвечала, и он особо уже не рассчитывал на ответ, написав ей, скорее по привычке, на всякий случай. Ведь стоило ей ответить хотя бы

лаконичным «привет», как его сердце начинало биться чаще, а серое утро уже не казалось таким уныло-безысходным.

Но понедельники существовали не для радости, поэтому ответа не было.

Виктор вставил в уши наушники и поднял звук на максимум.

«...мальчик молодой, все хотят потанцевать с тобооой» – отхаркивало женским голосом радио.

Несколько раз переключив станции, он поймал гороскоп.

«Весы: сегодня вас ожидают интересные события, способные поднять ваше настроение»

Он хотел узнать, что скажут по гороскопу Соне, но оказалось, что овен был в начале и он его уже пропустил.

Чёрт, всё время путаю, подумал Виктор.

– СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА МЯСОКОМБИНАТ, – сообщил ленивый голос в динамиках.

Он встал и, держась за поручни, прошёл к выходу.

Милана всегда приходила на работу раньше и редко когда проявляла недовольство по поводу его небольших, но регулярных опозданий.

Офисы мясокомбината находились на внутренней, закрытой территории. Показав на проходной пропуск, он пересёк импровизированный садик, приблизился к старому трёхэтажному зданию и потянул на себя ручку железной двери. Кабинет юристов был на втором этаже. Быстро поднявшись по лестнице, Гендальев вошёл в знакомый офис.

– Доброе утро! – поприветствовал он Милану.

В кабинете они работали вдвоём, а для начальника предназначалось отдельное, следующее по коридору помещение.

Милана сегодня была не в духе:

– Время пять минут девятого, Витя, почему ты опаздываешь всегда?

– Я... извини!

– Да хватит извиняться, что толку?! Слушай, Виктор, пора приучаться к дисциплине, ты ведь уже больше года работаешь. Это не дело, понимаешь? Слух по отделам ходит, что скоро поставят электронную пропускную систему и станут фиксировать точное время прибытия и ухода с работы! Ты же знаешь, что опоздание это дисциплинарный проступок?

Виктор сделал виноватый вид и молча слушал. Что поделать, каждому хочется иногда побыть здесь хоть немного боссом.

– Ладно, дело твоё конечно, я не собираюсь на тебя жаловаться, или ещё что. Только ты пойми, эти, как тебе кажется, мизерные пять минут, это за десять опозданий уже пятьдесят!

– Я понял, Милана, – ответил он, сдерживая раздражение.

Гендальев снял куртку и повесил на спинку кресла. Усевшись за рабочий стол, он нажал кнопку включения компьютера и принялся сердито перебирать валявшиеся на столе бумаги.

– И наведи уже порядок на своём столе! – не унималась Милана.

Да пошла ты, рассеянно подумал Виктор.

Зазвонил телефон, Милана резко подняла трубку:

– Юротдел, слушаю.

В трубке что-то требовательно прошебуршали.

– Да, Семён Вадимович, конечно. Сейчас найдём, – она положила трубку.

– Шеф не в духе, – прокомментировала Милана телефонный разговор.

– Не он один, – буркнул Виктор.

– Так, ладно, ещё обид мне тут не хватало. Давай, помоги мне, надо дело Куропаткиных найти и отсканировать. Срочно!

Недавно на мясокомбинат подала в суд некая семья, отравившаяся, по их словам, некачественной колбасой. Руководство было встревожено и усердно прессировало начальника юротдела. Проигрыш в этом деле сулил крупные неприятности, поскольку прецедент подобного рода обязательно повлечёт за собой ещё кучу таких же исков.

В этой ситуации всё происходило по классической схеме: владельцы конторы требуют с директора – директор требует с начальника отдела – начальник отдела требует со своих подчинённых. Только вот, последствий отравления потребителей некачественной колбасой, эта нисходящая цепочка психического насилия "сильного" над "слабым", увы, не устранила.

Старательно разворачивая каждую страницу сшитого дела в толстой папке, Гендальев прикладывал листы к стёклам сканера. Старое оборудование противно скрипело и потрескивало, Милана то и дело выкрикивала стимулирующие реплики:

– Ну что там, много ещё?

Наконец процесс был завершён, и первое крупное задание на сегодняшний день, оказалось выполненным.

Милана скинула сканфайлы на флешку и резво побежала к начальнику.

Через час традиционный понедельничный кипиш утихомирился и, удостоверившись, что старший юрист усердно думает над комбинацией карт в пасьянсе «косынка», Виктор достал из кармана телефон.

Соня не ответила, как он и предполагал. Он боролся с желанием позвонить и нервно убрал мобильник обратно в карман. Открыв в компьютере интернет, он принялся читать новости.

Главные заголовки дня гласили:

Ситуация вокруг нефтяного контракта Аргентина-Зимбабве обостряется;

В США психически ненормальный отец изнасиловал, убил и съел свою четырёхлетнюю дочь;

Лидер оппозиции Моисей Навральный заявил, что больше не употребляет кокаин;

Провинциальная учительница выгнала сына из дома за интерес к гомосексуализму;

В Индонезии обнаружено место массового уничтожения крокодилов.

Виктор апатично просматривал всё подряд, периодически поглядывая на часы в углу экрана. Так, незаметно пролетела половина рабочего дня, и наступило время обеда. Милана почти всегда обедала в офисе, но он предпочитал ходить в столовую.

Выйдя в коридор, он на миг остановился возле лестницы, раздумывая, не подняться ли на третий этаж в приёмную. Поразмыслив с минуту, он спустился вниз. Скорее всего, она встретит его недовольной гримасой и скажет, что ей сейчас некогда.

На улице он всё же не вытерпел и позвонил.

Она ответила через десять гудков:

– Я занята!

И повесила трубку.

«Ну, хотя бы всё в порядке, раз ответила» – с облегчением подумал Гендальев.

Столовая предприятия «И рыба и мясо» находилась на закрытой территории комбината. Здесь обедали только работники организации, поэтому цены были весьма скромными. Кроме того, была возможна ещё и некая "карточная система", по которой кушать можно было как бы авансом. Ты питаешься целый месяц, а траты на питание просто записываются в специальную карточку, а в конце месяца, когда начисляли зарплату, общую сумму, что ты проел, удерживала бухгалтерия.

В душном одноэтажном помещении пищеблока пахло пирожками и гороховым супом. Взяв из стопки пластмассовый поднос, Виктор встал в очередь. Почти никого из присутствующих здесь людей, он не знал, потому что большинство из них трудились в цехах.

Двигаясь вдоль вереницы столового прилавка, он заказал салат из свежих овощей, "макароны по-флотски" и пирожок с картошкой. Супы Гендальев категорически не любил, они напоминали ему раннее детство и советские столовки, в которые водил его отец. Там всегда отвратительно пахло, а плавающий в тарелке варёный лук, вкупе с безапелляционной репликой матери «лук НАДО есть!», до сих пор вызывали у него позывы к рвоте.

Захватив напоследок стакан компота, он придвинул поднос к кассе.

Пожилая женщина с добрым лицом быстро отчеканила что-то на кассовом аппарате и выпалила:

– Сто двадцать четыре, тридцать! Фамилия?

– Гендальев, – ответил он.

Ловко перебрав стопку картонок, кассир нашла его карточку и аккуратным почерком внесла в пустую графу цифры.

– Приятного аппетита! – напутствовала она.

Виктор уселся за пустой стол и надкусил пирожок.

Наматывая на вилку макароны, он время от времени поглядывал по сторонам. За столами сидели мужчины и женщины, в грязной, запачканной кровью одежде. В помещении стояли звуки хлопанья и чавканья.

Гендальев не любил долго здесь находиться, но готовили неплохо и главное дёшево. В течение пяти минут он расправился с обедом, отнёс поднос с грязной посудой в окно мойки и вышел из столовой.

Сегодня Милана порядком его разозлила и сидеть рядом с ней остаток обеда, наблюдая как она жрёт бутерброды, желания не было. Гендальев застегнул куртку под горло, натянул капюшон и направился к проходной.

Территория комбината была закрытой, но выходить во «внешний мир», работникам разрешалось. Впрочем, этой привилегией пользовались лишь офисные сотрудники, ибо рабочие, переодевшись утром в спецодежду, пребывали в ней же до самого конца трудового дня и потому выходить в таком виде «в свет» никто из них не хотел.

Покинув внутреннюю территорию, он очутился на пустынной местности. Проспект с остановкой транспорта находился в полукилометре от предприятия. Сам не зная зачем, он медленно зашагал в сторону проспекта. Он думал о Софии. Её отношение к нему в последнее время становилось всё более унижительным, и как бы ни уговаривал себя Виктор, а червячок сомнения уже начал копошиться среди жалких остатков его мужской гордости.

"Что же это такое? – думал он. – Постоянно она чем-то занята. Чем?"

Первое время они проводили вместе практически каждые выходные. Зачастую она даже оставалась у него ночевать, но у неё дома он никогда не был и даже толком не знал как и с кем она живёт. Постоянные задержки на работе и непонятная "помощь", которую Соня периодически оказывает директору. Как она сказала ему тогда... медицинскую?

«Ты же понимаешь, что это бред?» – настойчиво подавал свой голос разум. Но Гендальев всегда отключал эти мысли.

Я не хочу, не хочу ничего знать!

Зазвонил мобильник, он достал трубку из кармана и просиял, увидев на экране надпись «Сонечка». Все его мрачные мысли и сомнения моментально развеялись, словно запах пердежа на холодном ветру.

– Алло, – сказала она приветливо.

– Ну, наконец-то ты про меня вспомнила, – изобразил он ворчание.

– Ты меня не любишь! – заявила Соня, канючащим тоном.

Это была давно вошедшая в привычку игра по её правилам. Начинала она с этой бессмысленной претензии, затем Виктор битые полчаса оправдывался, а потом снова становился ручным. Она будто бы чувствовала те моменты, когда у него начинали возникать вопросы по поводу её надобности в его жизни, и тогда тут же, словно по волшебству, звонила и шла в атаку.

Превозмогая какой-то внутренний иррациональный страх, он возразил:

– Я звоню тебе – ты не отвечаешь. Пишу каждый день сообщения – ты реагируешь на одно из пяти. Бегаю за тобой, поднимаюсь в приёмную, а ты постоянно чем-то занята, тебе всё время не до меня. И это Я ТЕБЯ не люблю?

Он перевёл дыхание, стараясь унять предательскую дрожь в голосе.

– Вот об этом я и говорю, – недовольным тоном ответила Соня. – Ты всё время подозреваешь меня в чём-то, в каких-то грязных вещах! Не доверяешь мне! Пытаешься контролировать и названиваешь! Как будто бы я – твоя вещь!

Всякое кокетство исчезло без следа, она говорила теперь, как начальник разговаривает с подчинённым, как офицер с рядовым, как хозяин с рабом.

– В чём же здесь отсутствие любви? – спросил он мягко.

– «Отсутствие любви» – гадливо передразнила она. – Да будь ты уже мужиком! Лох!

Соня Щёкина бросила трубку.

Такое он услышал от неё впервые. Это сильно ранило его и одновременно поразило. В глубине души голос рассудка уже давно приказывал Гендальеву прекратить это мерзкое безобразие и вычеркнуть её из своей жизни. Но то было лишь "в глубине". "На поверхности" же, по-прежнему продолжали верховодить гормоны и малодушный самообман.

На этот раз он не стал ей перезванивать. Сейчас всё оказалось слишком уж безобразно, и пока он не мог... ему нужно было время. Время, чтобы в очередной раз тщательно обмануть самого себя и заставить возобновить свои жалкие попытки создавать "любовь" там, где её создать невозможно.

Немного побродив по внешней территории, он вернулся в офис.

Милана с удивлением на него посмотрела:

– Что это с тобой, Витя? На тебе лица нет.

– Да нет, ничего, – выдавил он.

– Как же "ничего", у тебя глаза, как будто ты только что с похорон.

Лучше бы так оно и было, уныло подумал он, а вслух сказал:

– Да не, просто не выспался, наверное. Может давление упало, не знаю.

Она ещё раз с сомнением на него посмотрела, и, пожав плечами, сказала:

– Ну ладно, поставь тогда чайник, попьём кофе.

– А вот это хорошая идея! – с напускным воодушевлением воскликнул он.

Вторая половина дня прошла гораздо быстрее первой. По крайней мере, так всегда кажется в офисе. Особенно в понедельник.

Шеф больше не звонил и срочных заданий не давал. Дело Куропаткиных похоже было взято под контроль на самом высоком уровне, и теперь беспокоиться было не о чем. Впрочем, таким иерархически низким должностям как у Гендальева, беспокоиться было не о чем в принципе.

Он рассеяно крутил колёсико мышки, уставившись в страницу новостей. Он бы сейчас, конечно, лучше полистал свои соцсети, да только вот интернет в конторе был ограничен, и потому сайты с явной развлекательной спецификой здесь каким-то образом блокировались.

Циферблат в уголке экрана показывал 16:56. Четыре минуты до конца рабочего дня.

Милана что-то отчаянно печатала, что-то явно не имеющее отношения к основной работе.

16:57. Три минуты до конца.

У них тут была какая-то внутренняя сеть и у главного компьютерщика всегда можно было посмотреть: кто и во сколько включил и выключил свой компьютер. В связи с этим, выключаться раньше 17.00 было не принято.

16:59. Гендальев не отрываясь, пялился на циферблат.

17:00. Да!

Молниеносно закрыв все окна браузера, он нажал кнопку «завершение работы» и покосился на Милану.

– Ну... я пошёл? – на всякий случай спросил он.

– Да, давай до завтра, – ответила Милана. – Мне тут надо кое-что доделать.

– Понял, до завтра.

Он накинул куртку и вышел из кабинета.

Миновав проходную, Виктор быстро зашагал в сторону остановки. Здесь как всегда в конце рабочего дня, уже толпился народ. Благо не всем из них нужен был один маршрут.

Он ждал троллейбус и боролся с искушением достать телефон и позвонить Соне. Всё ведь будет как обычно, он знает, что она ещё на работе, знает потому, что она всегда говорит: «секретарь не имеет права покидать рабочее место, пока не ушёл директор».

А Сочный вроде как работает до восьми вечера.

– Сергей, сука, Иванович – пробормотал Витя, забираясь в троллейбус.

Впереди нервно обернулась тётка:

– Вы что-то сказали?

– А? Нет, простите, я случайно наверное вслух подумал.

Тётка закивала:

– Ох, как же я вас понимаю. Понедельник – день тяжёлый, – глубокомысленно резюмировала она и уселась на свободное место.

Гендальев юркнул в уголок между дверью и окном с видом на дорогу.

– Задняя площадка, что на проезд?! – с вызовом закричала кондуктор.

Он достал проездной и издали показал.

Кондуктор с презрением отвела взгляд.

Мысли Виктора были мрачными. Он угрюмо разглядывал грязное резиновое покрытие под ногами и меланхолично размышлял о бессмысленности своего существования, когда в кармане неожиданно зазвонил телефон. Его "меланхолия" мигом развеялась. Виктор с воодушевлением достал трубку, уверенный, что звонит Соня, но это была не она.

– Привет, Оксана, – разочарованно сказал он сестре.

– Что-то ты не очень рад меня слышать, Витя. У тебя что-то случилось?

Он не собирался обсуждать свою личную жизнь, поэтому соврал:

– Нет, всё нормально, просто устал.

– Ну-ну... – недоверчиво проговорила сестра. – Ладно, Гендальев, у меня важная информация.

Она всегда называла его по фамилии, когда собиралась сообщить что-то *действительно* важное, или же чтобы высказать какие-то существенные претензии. Он поневоле вспомнил то памятное утро после получения диплома.

– Ты знаешь, я тебе говорила, что встречаюсь с мужчиной. Майором полиции, – не то утвердительно, не то вопросительно сказала она.

– Ну, что-то помню, – ответил Виктор.

По крайней мере, на этот раз без претензий.

– В общем, мы скоро расписываемся, и я хочу вас познакомить.

– Отлично, Оксана, поздравляю!

Он постарался изобразить радость, но на самом деле ему было всё равно. В попытке скрыть своё равнодушие, Витя поспешил продолжить:

– Когда ты хочешь, Оксана? Приходите, когда удобно!

– Хорошо, – сказала она. – Думаю, завтра вечером.

– Отлично! Договорились!

Водитель провозгласил, что троллейбус прибыл на конечную остановку. Виктор спустился по ступенькам и направился в сторону дома. По пути он зашёл в магазин, купил мороженую пиццу и бутылку тархуна.

Войдя в квартиру, Гендальев разделся, поставил пиццу в микроволновку и включил компьютер.

Через полчаса он как зомби листал одну социальную сеть за другой. Запивая резиновую пиццу газировкой, Виктор уже раз в десятый просматривал страницу Сони Щёчкиной.

Вот она улыбается в коротком платье, нога закинута на ногу, полторы тысячи лайков и пятьдесят комментариев, преимущественно мужских. Один из комментариев неожиданно ввёл его в состояние транса.

«Вчера всё было прекрасно, детка, жду тебя снова» – Армен Закромьян.

В груди образовался лёд, который медленно таял и растекался по телу парализующим холодом. Трясущимися руками он взял со стола телефон и нажал кнопку быстрого набора.

«Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны действия сети».

По вечерам, звоня Соне, он постоянно слышал эту формулировку.

Но сегодня автоматические слова звучали особенно больно.

Глава третья. Вторник

Эту ночь он практически не спал, снова и снова пытаясь дозвониться до своей девушки. Ближе к полуночи она включила телефон, но трубку не поднимала. Тогда он стал писать сообщения. Требовательные, яростные, злые. Потом тут же писал новые, извиняясь и моля о прощении. Всё, чего он хотел – это чтобы она снова объяснила ему, что всё это всего лишь шутка, глупая выходка. Чтобы она дала ему надежду и спасительную соломинку, как тогда, когда он застал её растрёпанной в приёмной директора. Ему нужна была лишь зыбкая почва, на которой он снова смог бы воздвигнуть свою иллюзию "любви". Он не хотел правды, он её боялся.

Будильник оторвал его от кратковременного тревожного сна. На этот раз он не стал представлять время, а сразу встал и первым делом снова позвонил ей. Тщетно. Одевшись, Виктор допил остатки вчерашнего лимонада и пошёл на работу.

Сегодня он прибыл даже раньше Миланы.

Сидя за компьютером и нервно листая новости, он почувствовал вибрацию телефона. Соня!

– Соня, скажи мне, скажи, пожалуйста, кто такой Армен Закромьян?

– Ктооо? – прошипела она. – Ты, дебильный! Ты что тут устроил? Ты что мне писал вообще?

Он лихорадочно проговорил извинения и кое-как рассказал о том, что прочитал вчера под её фото.

– ДА Я ВООБЩЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ, КТО ЭТО! – заорала она. – Ты конченный идиот, ты что мне писал вообще? Ты псих!

Она оскорбляла его последними словами, но всё это было уже не важно.

Она не знает кто это! Она не знает Армена Закромьяна!

– Сонечка, прости, Сонечка, я просто тебя так люблю! – лепетал он.

– Даун! – подвела итог Соня и повесила трубку.

В кабинет вошла Милана. Виктор убрал телефон в карман.

– Привет. А что это ты так рано сегодня?

– Нуу, я же обещал, что не буду опаздывать!

Быстро прошмыгнув мимо неё, он включил чайник.

– Кофе?

– Да, пожалуй, – ответила Милана.

После обеда он поехал в суд.

Такая страшная поначалу, эта часть работы стала для него теперь обыденной и почти привычной. Его участие в заседаниях ограничивалось одним и тем же арбитражным судом, по одним и тем же типовым делам и почти всегда у одних и тех же судей.

Мелкие задолженности ответчиков, которые и на заседания то практически никогда не являлись. От него требовалось только менять данные в исковых заявлениях, сдавать документы и присутствовать в скучном однообразии судебного процесса.

Арбитражный суд располагался в невзрачном двухэтажном здании, половину которого вместе с судом делил пенсионный фонд. Здесь рассматривались споры между организациями, и для провинции такого маленького помещения было вполне достаточно. Люди всё ещё не особо доверяли правосудию и решались судиться лишь в самую последнюю очередь. А что есть организации, как не собрание этих самых людей?

Он вошёл внутрь и показал на входе паспорт судебному приставу.

– Проходи, – сказал тот.

Пристав его уже знал и в документ даже не посмотрел.

Внутри пахло канцелярией и терпкой смесью из запахов пота и парфюмерии. По тускло освещённому коридору сновали туда-сюда молодые люди и девушки, держа обеими руками толстые папки. Он поднялся по лестнице на второй этаж и остановился перед дверью с табличкой «Судья А.И. Товарова».

Прислонившись к стене, он достал из кармана мобильник и написал смс Соне. Удостоверившись, что сообщение доставлено, он включил незамысловатую игру и упулился в маленький экран.

Дверь кабинета судьи Товаровой открылась, и симпатичная секретарь провозгласила:

– По иску «И рыба и мясо» есть?

– Да! – он торопливо убрал мобильник.

– Давайте паспорт и доверенность, – сказала секретарь.

Гендальев дал, девушка исчезла за дверью.

Через минуту она вернулась:

– Проходите.

Он быстро вошёл в кабинет.

Надо сказать, что упомянутый ранее факт о том, что Гендальев привык к судам и воспринимал походы сюда как обыденность, был не совсем точным. В этих стенах он всегда нервничал и чувствовал напряжение, но как бы просто свыкся с неприятным и заставлял себя терпеть. Виктор продолжал бояться судей как огня. Эта разновидность юристов была, что называется, на верхних ступенях бизнес иерархии. К этой должности люди стремились годами и, сев однажды в мягкое кресло, предпочитали оставаться в нём как можно дольше.

У них, конечно, тоже были свои сложности – всякие там тайные знания и негласные правила поведения, но этого таким как Гендальев знать было не положено. Он видел перед собой небожителей, величественных тёт и дядь, в руках которых была сосредоточена ВЛАСТЬ.

– Здравствуйте, – промямлил он, войдя.

В громадном кресле у окна за массивным столом сидела женщина средних лет и листала папку с надписью «Дело». Не удостоив Гендальева взглядом, она указала быстрым жестом на стулья, стоящие возле стены.

– Проходите, присаживайтесь.

Он послушно прошёл и присел.

Женщина продолжала листать папку.

– Так, акты выполненных работ на месте, вижу. Хорошо. Что там ответчик, Лена? Уведомление вернулось? – спросила она секретаря.

– Да, вернулось, – с готовностью ответила Лена.

– Когда получили извещение о судебном заседании?

– На прошлой неделе.

Судья продолжала быстро листать дело.

Просмотрев таким образом всю папку, она, наконец, подняла глаза на Виктора и сказала:

– Откладывать больше не будем, решение сможете получить через неделю. Не смею вас больше задерживать.

Гендальев быстро встал.

– Спасибо большое. До свиданья.

– Подождите, – сказала секретарь. – Паспорт, доверенность.

– Ах да, спасибо, – он схватил документы и быстро вышел из кабинета.

Чего он так боялся? Что решение вынесут не в пользу конторы, в которой он работал? Что его вдруг что-то спросит эта невзрачная, похожая на лягушку, судья Товарова, а он не

сможет правильно ответить? Точно он сказать бы не смог, потому что этот страх был чем-то вроде страха перед змеями, пауками, или крысами, которые вроде как могли бы быть в зарослях высокой травы, когда ты идёшь по тропинке, задевая ногами колючки и вздрагиваешь от каждого шороха, даже не задумываясь о том, что именно могут тебе сделать эти несчастные создания, даже если они и есть в зарослях.

Он спускался по лестнице, когда неожиданно зазвонил телефон. Достав трубку из кармана, Гендальев сильно удивился. Звонил начальник отдела Полуоткатов, что было крайне необычно, поскольку сношался тот, как правило, всегда с Миланой, а уж она, в свою очередь, перепоручала что-то из мелких задач Виктору.

– Да, здравствуйте, Семён Вадимович! – он постарался вложить в интонацию как можно больше уважения.

– Привет, привет, – проговорил быстрый голос, – Витя, ты где сейчас?

– Я в арбитражном суде, Семён Вадимович! Сейчас вот закончилось заседание по делу...

Полуоткатов его перебил, ему явно было неинтересно какое заседание и по какому делу сейчас закончилось.

– Я заеду за тобой, подожди меня у входа, ты мне будешь нужен.

Какой ещё ответ можно было дать начальнику своего начальника в подобной ситуации, кроме как:

– Конечно, Семён Вадимович!

Начальник разъединился, и Виктор быстро вышел из здания, будто Полуоткатов уже давно его там ждёт.

Холодный октябрьский ветер усиливался, вдобавок ещё и накрапывал противный дождь. Гендальев натянул шапку и застегнул до конца куртку, удерживая под мышкой портфельчик из кожзаменителя.

Как и следовало ожидать, Полуоткатова ещё не было и в помине. Тем не менее, он решил не отходить от входа в суд, ведь ждать ему велели именно здесь. По расположенной вблизи проезжей части туда-сюда бесконечным потоком сновали машины.

Прошло минут двадцать, прежде чем Виктор заметил, наконец, синий седан Полуоткатова. Не дожидаясь, пока начальник позвонит, Гендальев быстро направился к дороге. Машина остановилась, и Полуоткатов призывно замахал рукой. Виктор открыл дверцу пассажирского сиденья и сел.

– Здравствуйте! Ой, я мокрый, вам тут сейчас сиденья намочу.

– Да хрен с ним, закрывай быстрее, ветер этот галимый, фу!

Он закрыл дверь и услужливо закивал, мол, да, он согласен: ветер действительно галимый.

Машина тронулась.

– Протри очки свои, все мокрые вон, – скомандовал Полуоткатов.

– Ах, да, – хохотнул Виктор. – Да уж привык пока стоял.

Он достал платок из мокрых брюк и протёр толстые стёкла.

– Зачем на улице то стоял? Я же сказал: позвоню, как подъеду, – упрекнул Семён Вадимович, хотя такого он не говорил.

Не дожидаясь ответа, начальник продолжил:

– Ладно, короче слушай, Витя, у нас важное дело есть по предприятию. Мне нужна будет твоя помощь. Ты слышал, наверное, про Куропаткиных?

– Те, что отравились колбасой и в суд подали на нас? Конечно, слышал.

– Да-да, – нетерпеливо сказал начальник. – В общем, завтра в первой половине дня надо будет кое-что сделать. Что именно, я тебе расскажу чуть позже, а сейчас мы едем в областной суд, зайти к одному крупному судье.

Он замолчал, ожидая, что Витя издаст какой-то звук, подтверждающий принятие этой части информации.

– Ага, – сказал Витя.

Полуоткатов кивнул:

– Значит, ты сейчас со мной будешь на встрече и твоя задача молчать, а лишь сказать судьё: «здравствуйте, Вениамин Рустамович» и когда будем уходить: «до свидания Вениамин Рустамович». Сказать надо именно так, чтобы он запомнил твой голос. Это на всякий случай нужно, для чего, потом сам поймёшь, сейчас только слушай. Всё остальное время ты просто сидишь рядом со мной и молчишь. Всё понятно?

– Да, всё понятно, – подтвердил Виктор.

– Хорошо, пока это всё.

И давая понять, что начинать молчать нужно прямо сейчас, Полуоткатов прибавил громкость на проигрывателе.

Салон наполнил гаденький голосок:

хоп мусорок, не шей мне срок, машинки зингера иглочка сломалась...

Они миновали большой перекрёсток и пост ГАИ.

Всех понятых, по-олу блатных, да и тебя б... мусор, я в гробу видала, – продолжал свою дивную историю гаденький голосок.

Гендальев думал о предстоящем визите. Странно, ведь областной суд занимал верхнюю ступень судебной иерархии в регионе, а дело Куропаткиных пока ещё рассматривалось только в районном. То есть дело, конечно, наверняка попадёт позже в областной, но это уже будет следующая инстанция, и рассмотрение там будет в порядке обжалования, когда проигравшая сторона подаст апелляцию.

Ну да ни его ума это дело, начальству виднее.

Чтоб кандражка долбанула прокурора подлеца, – пропело из магнитолы.

Они выехали на центральную площадь, посреди которой возвышался большой, испачканный птичьим помётом, памятник. Квадратом, напротив друг друга стояли здания областной администрации, полиции, ФСБ и областного суда.

Проехав немного дальше, Полуоткатов остановился на обочине и включил аварийные сигналы. Парковочное место искать было некогда.

– Так, ещё раз, Витя, – сказал он. – «Здравствуйте, Вениамин Рустамович», «до свидания Вениамин Рустамович», всё понял?

– Да, Семён Вадимович!

– Хорошо и вот ещё что. В какой-то момент в кабинет зайдёт помощник судьи, запомни как он выглядит, тебе завтра надо будет с ним встретиться.

Сказав это, Полуоткатов взял с заднего сиденья красивый кожаный портфель и открыл дверь.

– Это оставь, – брезгливо указал он на жалкий портфельчик Гендальева. – Паспорт только возьми для вратаря.

Гендальев послушно вытащил из портфеля паспорт и сунул во внутренний карман куртки. Вратарями Полуоткатов называл судебных приставов, проверяющих на входе документы. Вероятно, за их задачу сторожить «ворота». Подошло бы, наверное, больше привратник, хотя... привратники ведь стояли на воротах в замок, в твердыню. А здание суда вряд ли могло бы соответствовать термину «твердыня».

Полуоткатов раскрыл над головой большой чёрный зонт и быстрым шагом направился к зданию. Гендальев семенил рядом.

Зайдя в суд, начальник, не здороваясь, показал приставу какое-то удостоверение. Что это было за удостоверение, Гендальев не знал, но у него такого не было, и он привычным движением раскрыл свой паспорт.

– Он со мной, – заявил Полуоткатов и судебный пристав не стал вчитываться в документ.

– Проходите, – сказал «вратарь».

Здесь всё было гораздо богаче, нежели в убогом арбитражном суде. На полу стоптанные, но всё ещё красные, ковровые дорожки, никаких неприятных запахов, хорошо работала вентиляция. Кабинеты судей отгораживали массивные деревянные двери. (*Может всё-таки замок?*)

– За мной, – скомандовал Полуоткатов.

Они поднялись по величественной мраморной лестнице на третий этаж и миновали ещё один коридор. Остановившись у двустворчатой двери, начальник посмотрел на часы, и уверенно постучался.

– Войдите, – раздался приглушённый голос.

Многозначительно посмотрев на Гендальева, Полуоткатов открыл дверь, и они вошли. Это был просторный кабинет с огромным окном, флагом и гербом на стене. Перед окном стоял громадный дубовый стол, за которым сидел толстый лысый человек.

– Приветствую, – сказал Полуоткатов и направился прямо к столу.

– Здравствуйте, Вениамин Рустамович, – сказал Гендальев, чувствуя, как ноги становятся ватными.

Его снова обуял этот дикий, иррациональный страх. Наверное, так же древние люди когда-то боялись саблезубых тигров, притаившихся в темноте.

Лицо Вениамина Рустамовича напоминало каменное изваяние. Этот человек явно страдал ожирением, что, похоже, его совсем не волновало. Величественно кивнув головой, он произнёс трубным голосом.

– Присаживайтесь. Слушаю вас.

Полуоткатов ни на секунду не расставаясь со своей развязной манерой, взял один из массивных стульев, стоящих у стены и сел перед судьёй. Гендальев не нашёл в себе смелости повторить такую наглость и уселся на краешек другого стула там, где тот стоял.

– Вениамин Рустамович, моя фамилия Полуоткатов, я представляю интересы мясокомбината. У нас в районном суде сейчас рассматривается дело по иску Куропаткиных. Дело резонансное, и мы бы хотели посоветоваться по некоторым стратегическим вопросам.

Вениамин Рустамович слушал не перебивая. Сложив кончики пальцев домиком, он внимательно смотрел на очередного клоуна, пришедшего узнать цифру. Семён Вадимович продолжал красочно бубнить, словно заправский аферист.

– Мы подготовили доказательства в должной мере, но в силу нормативно-правовой базы, закон о защите прав потребителей, к сожалению, скорее будет на стороне покупателя. В данной ситуации, однако, прецедент подобного рода крайне нежелателен для среднего бизнеса и может сулить...

Вениамин Рустамович лениво посмотрел на Гендальева: «Что ты забыл здесь, пацан? На хрен оно тебе надо?» – казалось, спрашивал его взгляд.

Наконец, Полуоткатов закончил свой монолог и вопросительно посмотрел на хозяина кабинета. Убедившись, что клоун завершил выступление, Вениамин Рустамович откашлялся и неторопливо заговорил:

– Мы понимаем ситуацию, по вашему вопросу со мной связывались. Безусловно, дело серьёзное, но поскольку доказательная база в порядке, думаю, районный суд примет справедливое решение. В противном случае, в порядке апелляции мы уже здесь разберёмся в должной мере.

«Ну, давай, задавай уже свой главный вопрос, и проваливайте отсюда, к чертям», – добавил про себя Вениамин Рустамович.

Полуоткатов задал главный вопрос:

– Вениамин Рустамович, вы – человек с колоссальной практикой, может, вы подскажите нам, какие ещё доказательства мы могли бы представить суду, для укрепления своих позиций?

«Вот уж точно, клоун», – подумал хозяин кабинета, а вслух сказал:

– Было как-то одно дело лет десять назад, поищите в архиве. Номер не помню, минутку, – он поднял трубку стоявшего на столе телефона и нажал две кнопки. – Сейчас помощник придёт, уточним.

Полуоткатов призывно взглянул на Гендальева. Да, надо запомнить того, кто сейчас войдёт, он помнит.

Вскоре открылась дверь, и на пороге возник молодой человек.

– Алексей, подними архив, дело об отравлении консервами было лет десять назад. Фамилия истца Козленко, или Осленко, точно не помню.

Алексей кивнул и вышел, а Вениамин Рустамович тем временем что-то небрежно записал в блокноте, затем вырвал листок и передал Полуоткатову.

– Что ж, благодарим за внимание, – произнёс тот, вставая и забирая листок.

– Да не за что, – отозвался хозяин кабинета. – Обращайтесь.

– До свиданья, Вениамин Рустамович, – сказал Гендальев, как учили.

– Всего доброго, – попрощался судья.

Они вышли.

В машине Полуоткатов швырнул полученный от судьи листок на приборную панель и Гендальев разглядел, написанную на нём цифру: "1,5".

«Что за полтора?» – только и подумал Виктор.

Глава четвёртая. Совет да любовь

Полуоткатов сказал, что сегодня возвращаться на работу больше не надо и добавил, что завтра утром, по прибытии, Гендальеву первым делом следует зайти к нему в кабинет. У него завтра будет особое задание.

– Конечно, Семён Вадимович, – принял распоряжение Виктор.

Начальник довёз его до ближайшей троллейбусной остановки и уехал. Вскоре Виктор был уже дома. Здорово! На час раньше! Он хотел позвонить Соне, но сказывалась бессонная ночь и ему сильно хотелось спать. Он наскоро проглотил две сырые сосиски, запил их водой и, не раздеваясь, лёг спать.

Гендальев проспал до семи вечера, когда его разбудил пронзительный звонок домофона.

– А! Что!? – вскочил он с дивана.

Преодолевая дремоту, Виктор вышел в прихожую и поднял трубку:

– Аллю?

– Ты что там, спишь что ли? Открывай! – прозвенел голос Оксаны.

Ох, чёрт, он совсем забыл, она же говорила, что придёт сегодня!

– Привет! Заходите! – сказал Виктор и нажал кнопку.

Он наскоро поправил плед на диване и убрал ботинки в сторону от порога. Чёрт! Ну и срач! Он словно впервые увидел всё убожество своего холостяцкого жилища.

Требовательно залился звонок на входной двери.

Кое-как причесавшись, Гендальев надел очки и открыл дверь.

– Привет, Оксана, заходите. Извините, у меня бессонница была, два часа назад пришёл с работы и спать завалился, ну и... в общем, бардак у меня полный, – он деланно рассмеялся и внимательно посмотрел на спутника сестры.

Высокий, широкоплечий, хмурый, пучок рыжих усов, в лучших традициях старой моды, стриженные под машинку, рыжие же волосы на голове и руки, что кувалды.

– Здравствуйте, – сказал Гендальев.

Спутник Оксаны протянул руку:

– Александр, – сказал он басом. – Предлагаю сразу на «ты».

– А, да, конечно. Оксана, – он обнял сестру.

– Ну ладно-ладно, прям соскучился, разнежился. Знаем мы, что у тебя бардак, все свои. Давай, чайник ставь. Мы пироги принесли.

– О! Отлично, сейчас.

Он суетливо ринулся на кухню.

Сестра со своим женихом тем временем разулись и осмотрели комнату.

– Да уж, работать вроде начал и хернёй заниматься перестал, спасибо армии, а вот свиньёй как был, так и остался, – констатировала Оксана.

– Ничего, – пробасил в ответ Александр. – Я в его возрасте таким же был.

– Хорошо, что мы познакомились, когда тот твой возраст уже прошёл, – подвела итог Оксана и пошла на кухню.

Спутник, подхватив пакеты с едой, поспешил за ней.

Гендальев суматошно убирал со стола. Чего здесь только не было: обёртки от шоколадок, грязные тарелки, крошки, кружки. Он убрал всё в раковину и отыскал в серванте три чистые чашки.

– Ладно, не суетись, – говорит Оксана, – я тебя знаю как облупленного, а Саша вот, только что мне признался, что таким же был в твоём возрасте. Правда, Саша?

– Именно так, – подтвердил Саша, доставая руками-кувалдами угощение из пакетов.

– Да как же, – запротестовал Виктор. – Ты ведь предупредила вчера, я должен был подготовиться, это же не обычный день, чёрт, а!

Рука-кувалда мягко опустилась на его плечо.

– Эй, Виктор, прекращай, – глубокий бас нёс в себе покой и умиротворённость. Он посмотрел в чёрные глаза жениха сестры и подумал, что, наверное, так же вёл себя когда-то Григорий Распутин, перед тем как поиметь свою очередную «прихожанку».

«Прекрощай, милоя, скидывай скорее понтолоны».

Похоже, у меня проблемы с головой начинаются, рассеяно подумал Гендальев, садясь на табуретку. Какой ещё Распутин?

Он неожиданно вспомнил про Соню и машинально достал мобильник.

Оксана нарезала ягодный пирог и уложила на тарелку пирожки с мясом.

– Ну что, как дела с Соней Щёчкиной? – неожиданно спросила она.

Виктор обомлел. Он никогда не рассказывал о своей личной жизни.

– А откуда ты знаешь? – спросил он.

Сестра усмехнулась:

– Ты, наверное, забыл кто договаривался насчёт твоего трудоустройства. Думаешь у меня недостаток в знакомствах?

– Агентурная сеть хочешь сказать? Ты же говорила, что я сам по себе?

– А разве нет, Витя? Я, видишь ли, просто знаю больше, чем ты думаешь, но тем не менее я ведь не вмешиваюсь в твою жизнь, правда? Я просто спросила, а не хочешь – не говори.

Александр руки-кувалды делал вид, что вообще ничего не слышит, в два прикуса он проглотил пирожок с мясом и положил в чистую чашку пакетик с чаем.

– Ксюша, плесни кипяток, – ласковым басом, попросил он.

Это волшебным образом разрядило обстановку и Виктор снова вспомнил Распутина. Странно, но в суете сегодняшнего дня, со всеми этими приключениями с Полуоткатовым, бессонницей предыдущей ночи и истерической ревностью утра, он с обеда даже и не вспоминал про свою ненаглядную Софию.

– Я бы не хотел об этом говорить, – буркнул он. – Какие есть, такие есть, отношения – дело сложное.

– Ну-ну, – сказала Оксана.

Она разлила кипяток по стаканам с пакетированным чаем. Вокруг белого квадрата расплзалась коричневатая субстанция. Гендальев взял кусок сладкого пирога:

– Прости, Оксана, я сам не знаю, что и сказать толком. В последнее время я всё чаще думаю о том, что первый блин комом. Вот. Может как-нибудь в другой раз и поговорим об этом, но сегодня ведь мы не для этого собрались.

Оксана отхлебнула чай:

– Да, не для этого. Завтра мы с Александром идём в ЗАГС. Вот собственно и всё. Или ты думал, мы станем свадьбу играть? Ради этого сегодня собрались? Мы общаемся и всё, я хочу, чтобы вы друг друга знали. А насчёт первого блина комом... возможно ты и прав, но главное следи за тем, чтобы этот ком тебе поперёк горла не встал!

Виктор глубоко вздохнул. Александр неожиданно расхохотался и похлопал его по плечу:

– Дружище! Посмотри на меня! Нет, посмотри!

Он нехотя повернулся и посмотрел в эти гипнотические глаза. Широкая улыбка, рыжая щётка усов, шрамы на грубом лице.

– Знаешь, кто я? – весело спросил Александр.

«Григорий Распутин, в следующих жизнях» – хотелось ему ответить.

– В каком смысле?

– Я майор полиции! – торжественно объявил Александр. – Скоро мне дадут подполковника, у меня уже пенсия есть. Мне сорок лет, но уже есть пенсия, Витя! Ха-ха! И я женюсь

первый раз, вот что самое главное, понимаешь? Я первый раз женюсь! А твоей сестре сколько, а? Тридцать пять! И она первый раз выходит замуж. Ни у кого из нас нет постыдного прошлого и неудачных браков, никто из нас не оставил позади брошенных детей, и по меркам общества мы довольно странные, так?

– К чему ты клонишь? – проворчал Гендальев.

– А к тому, что не стоит тебе цепляться за первое попавшееся... кхе, женщин много, Виктор, запомни это, запомни! И время для семьи у тебя ещё будет. Для семьи, для любви и всего остального. Ну и так далее. А нет, так и хрен с ним, Витя! Нормально делай – нормально будет. Или не делай вообще.

Он явно не владел излишним красноречием. Впечатления о хитрости и глубине гипнотического разума улетучивались по мере того, как Александр разворачивал свою скомканную мысль. Он вероятно и сам понял, что спич пошёл под откос и, немного смутившись, взял ещё один пирожок, который моментально исчез между его массивными челюстями.

– Понятно, – сказал Виктор. – А ты в полиции по какому направлению?

– Опер, – ответила за него Оксана.

Опер согласно кивнул, дожёвывая пирожок с мясом, и взял ещё один.

– Понятно, – повторил Гендальев. – По работе познакомились?

Отвечала снова Оксана:

– Как это ни странно, не по работе, Витя. Хотя с чего бы нам знакомиться по работе? Я ведь юрист в гражданской сфере, а не в уголовной. Случайно, на улице. Стояли рядом в очереди и разговорились.

– Да ну на хрен? – удивился Виктор.

– Да хоть на нос, – подал голос Александр и расхохотался.

Оксана не улыбнулась.

– А ты что же думал? Все подбирают только то, что само упало? Иногда надо просто подойти и заговорить, Витя. И тебе тоже стоит этому поучиться.

Она заметила, что он хмурится.

– Ладно, я тебе не собираюсь мораль читать. И не слежу я за тобой, просто рассказали коллеги, вот и всё. В нашем городишке-то знаешь, мир тесен. И когда проработаешь десять лет в одной сфере, знакомыми становятся все. Так что всё как я и говорила: ты сам по себе, ничего не поменялось. Всё, закрыли тему.

Гендальев глубоко вздохнул. По правде, он и не прочь поделиться с кем-нибудь своими проблемами. Да только это казалось ему неправильным, разговаривать об этом с сестрой – ведь она была ему практически как мать. Тем более они пришли к нему сегодня по случаю своей помолвки.

– На вот, – сказала Оксана, доставая из сумки книгу, – почитай, хорошая книга. Ты читаешь ведь?

– Случается, – ответил он, машинально взяв в руки небольшой том. – *«Камера обскура»* Владимир Набоков, это тот педофил?

Оксана поморщилась:

– Ты меньше слушай чужие мнения, а лучше делай выводы сам, после прочтения.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарил Гендальев, – слушайте, это по-правде я должен был вам что-то подарить, вы уж извините меня!

Опер Александр руки-кувалды, снова похлопал его по плечу.

– Ты это, братское сердце, заканчивай х... нести!

От этих слов Гендальев рассмеялся. Его смех подхватила и Оксана.

– Да, – сквозь хохот, сказала она, – Саша может, когда надо сказать верно, это уж у него не отнять.

Отсмеявшись, Виктор спросил:

– Так это что, сегодня свадьба? То есть, сейчас то что мы делаем – это свадьба ваша?
На этот раз первым расхохотался Александр.

– Ну, типа да! – согласился он, когда новый взрыв смеха стих.

– Очень оригинально, – утирая слёзы веселья, отметил Виктор.

– Слушай, ну а если серьёзно, то зачем нужна эта свадьба? – сказала Оксана. – Собрать толпу, пустить в унитаз кучу денег и потом подсчитывать сколько отбилося?

– А потом через пару лет развестись, – подвёл итог Александр.

– Ну да! А как же ещё? Нет, мы не из таких. Познакомились мы, как ты ушёл в армию, то бишь уже три года вместе. Завтра оплатим пошлину, поставим штампы, а в отпуск поедem куда-нибудь к морю.

Виктор задумчиво покрутил чашку чая на столе.

– Наверное, так и правильно, – сказал он.

– Правильно всегда то, что ты сам считаешь правильным. Хотя не факт, что спустя время ты будешь продолжать считать так же, – сказала Оксана.

– В любом случае в нашей ситуации мы, по крайней мере, не будем клоунами, – резюмировал Александр.

– Да уж верно, не будете, – согласился Виктор.

Какое-то время они молча ели, потом разговор продолжился. Александр рассказал немного о себе, не делая попыток придать красноречия своему рассказу, суть которого сводилась примерно к следующему: *«выучился и работал, родители умерли, брата застрелили бандиты при исполнении служебных обязанностей, не стоит соболезновать, это было давно»*.

Потом Гендальев ещё раз подивился их скромной «свадьбе» и Оксана снова напомнила ему, что они с Александром не клоуны. Потом они стали собираться и пожелали на прощание Виктору читать Набокова, а он неловко улыбнулся и сказал «Совет да любовь», на что получил саркастичную улыбку сестры. Потом Александр пожал ему руку, и они уехали.

Было десять часов вечера и, оставшись один, Виктор с грустью достал телефон. Как и следовало ожидать, Соня ничего не писала и не звонила. Внезапно на него накатила вчерашняя ревность, он снова отчётливо вспомнил этот комментарий в соцсети от Армена Закромьяна, как бишь он там написал ей? Ааа, чёрт, что-то в этом было не то. Он нажал кнопку включения компьютера, но как только система загрузилась, передумал и выключил.

«Лучше просто позвоню», подумал он, набирая Соне.

Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны действия сети.

Он в сердцах швырнул мобильник на диван и вспомнил про книгу, которую принесла Оксана.

Гендальев взял книгу в руки, уселся на диван и стал читать.

Он бежал по коридору где-то в огромном здании. То и дело из-за угла на него нападали странные существа, не то крысы размером с кошку, не то кошки с крысиной мордой. Гендальев ловко их бил и они разлетались разноцветными звёздочками. Все эти странные существа были жалкими, и победить их не составляло труда, потому что он, Гендальев, сильнее. Так почему же ему так страшно? И что такое за ним гонится, от чего он так отчаянно бежит? Неужели он не сможет одолеть это, если остановится и примет бой?

Нет, не сможет, он точно знает, что нет, не стоит даже пробовать. Сзади слышится устрашающий рёв, страх пронизывает до костей, он отчаянно бежит, но видит, что так и не сдвинулся с места. Впереди маячит спасительное окно. Прыгнуть! Выпрыгнуть! Лучшее в окне, чем столкнуться с тем, что гонится.

Он подбегает к окну, но оно исчезает. Вместо окна – новый коридор, он снова бежит от того, что его преследует. Открытая дверь! Слава богу! Гендальев стремительно залетает в комнату. Тьма...

Страх больше нет, страшное позади. Что-то было там такое, в прошлом, он уже не помнит что. Он сидит на берегу озера и смотрит, как в озере плавают утки. Как прекрасно! Вот это жизнь, думает Гендальев, вот оно, настоящее счастье!..

Но вот он снова в здании. Озеро с утками и всё, что было до того, осталось в прошлом, он снова ничего не помнит. Есть только сейчас. Есть только это здание с коврами дорожками и открытая двустворчатая дверь. Он входит...

В комнате никого нет, лишь ещё одна дверь в другую комнату, за которой слышатся какие-то чавкающие звуки. Он идёт туда. Что это?..

Комната без мебели, лишь грязный стол посреди, и на этом столе оргия. Женщину облокотили животом на столешницу, сзади её размеренно имеет мужчина, держась за ягодицы. Спереди стоит другой мужчина, и женщина делает ему минет. Оба они двигаются в синхронном ритме, словно рабочие, пилящие дерево двуручной пилой.

Вдруг Гендальев узнаёт всех троих. Тот что спереди – директор Сочный, тот что сзади – Полуоткатов, а женщина... женщина это Соня Щёкина! Его Соня Щёкина!

«Что такое?!» – кричит Гендальев.

Сочный и Полуоткатов, продолжая своё дело, одновременно поворачивают к нему лица.

Полуоткатов подносит палец к губам и вытягивает их трубочкой: тсс.

Сочный вскидывает руку вверх и орёт: «зиг хайль!».

Оргия продолжается, движения становятся более быстрыми, мужчины ускоряются, имея Соню Щёкину с двух сторон быстрее, быстрее, быстрее.

Скорость полового акта развивается до космической, Гендальев видит, как Соня Щёкина постепенно срастается со своими любовниками. Сочный и Полуоткатов двигаются настолько быстро, что движение уже незаметно. Они срастаются, они срастаются все втроём! Чёрт! Чёрт! Гендальев в ужасе открывает рот, чтобы заорать, но не может!

Что это? Они превратились в сиамских близнецов. Одна половина близнецов – Полуоткатов, другая – Сочный, а Соня, ох бедная Соня, от неё осталось лишь одно лицо. Это лицо перевернулось макушкой вниз и застыло в области гениталий сиамских близнецов Сочный-Полуоткатов.

«Ты меня не любишь!» – канючит перевернутое лицо Сони Щёкиной.

Вдруг между головами сиамских близнецов появляется Григорий Распутин в монашеской рясе и говорит голосом опера Александра:

– Совет да любовь!

Перевернутая голова Сони Щёкиной улыбается похотливой улыбкой и вываливает изо рта длинный, покрытый струпами язык.

– Сгааааа – шипит Соня.

– Сга-сга. Сга-сга. Сга-сга-сга-сга...

Будильник! Боже, будильник!

Виктор вскочил с постели.

Никогда ещё этот резкий звук не был для него таким приятным.

Глава пятая. Среда и четверг

Из-за продолжительного вечернего сна Виктор лёг вчера позже, чем обычно. Проводив Оксану и Александра, он углубился в чтение Набокова и читал до глубокой ночи, а потом незаметно для себя уснул. Ему снились какие-то безобразные кошмары и к своему облегчению, он не мог теперь ничего вспомнить. Что-то за прошедшую ночь в нём определённо изменилось, потому что весь обычный путь от дома до работы он проделал без малейшего желания писать Соне. Он не хотел ни писать сообщений, ни звонить. Но удивительным было даже не это. Удивительным было то, что он не ждал звонков и от неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.